

Основано на реальных событиях

ЧАСТЬ I

1947 год. 27 ноября. Недалеко от Праги

Время приближалось к полуночи. Дорога на Прагу была пуста. Зашторенное облаками небо низко склонилось над чернеющей горловиной небольшого автомобильного тоннеля, будто пыталось заглянуть в него. Сюда некоторое время назад нырнула темная «Шкода Рапид», что свернула с трассы, срезая путь к чехословацкой столице. Легковик, показавшись из другого конца тоннеля, должен был уже выскочить на дорогу. Но скрежет шин и железный грохот, вперемежку с глухим звоном разбившегося стекла, говорили... нет, кричали о том, что произошла большая беда!.. Видавшая всякое ночная темь, однако, лишь близоруко щурилась и не могла ничего разглядеть...

Медленно наступал рассвет. Теряя терпение, хмурое ноябрьское утро скользнуло по примороженным лужам и полетело по мо-

Хачик Хутлубян

сковским улочкам, попутно разгоняя сгустившиеся за ночь облака над Лубянской площадью.

1947 год. 28 ноября. Москва. Лубянка

В кабинете заместителя начальника управления по диверсионным операциям генерал-майора Наума Эйтингона горела настольная лампа. Наум Исаакович в который раз перечитал распечатку звонка начальника Управления контрразведки Центральной группы советских войск в Австрии и Венгрии генерал-лейтенанта Михаила Белкина, закурил папиросу и тихо протянул:

— Не-по-ни-маю.

Генерал Белкин, как следовало из написанного, ночью 27 ноября ехал из Карловых Вар в Прагу. Под утро, недалеко от чешской столицы, на обочине перед мостом, увидел разбитую машину «Шкода». В ней — два окровавленных трупа. В одном из них генерал опознал сотрудника бывшего Первого главного управления (внешней разведки) МГБ СССР — недавно преобразованного в Комитет информации — полковника Рыбкина, который находился на переднем сиденье рядом с водителем. Белкин вынул из кармана Рыбкина документы, прихватил полевую сумку полковника и поехал дальше в Прагу, чтобы сообщить о случившемся и потребовать расследования.

Теперь Эйтингону вновь позвонили, только уже из столицы Венгрии, и сообщили, что под Будапештом обнаружена разбитая машина «эмка» и в ней двое: полковник Рыбкин (!) с удостоверением личности в кармане своей шинели и солдат-шофер. Оба мертвы!

— Что происходит? — Эйтингон внимательно посмотрел на погасший окурок в пепельнице и, достав из пачки новую папиросу, прикурил с третьей спички, обломав первые две о бок коробка. Размышляя о произошедшем, он пошел дедуктивным путем — от общего к частному. Полгода назад все советские разведслужбы, в том числе Первое главное управление МГБ, в ходе правительственной реорганизации были объединены в единый орган — Комитет информации (КИ) при Совете министров СССР. В системе КИ действовали восемь управлений, шесть функциональных отделов, а также — два самостоятельных направления: «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (советские колонии за рубежом). Реформирование в стадии становления вносило определенную сумятицу в работу структур. Но в разведке служат люди из особого сплава, которых трудностями или даже экстраординарными ситуациями сбить с толку практически невозможно. Полковник Рыбкин — опытнейший разведчик — был из числа таких сотрудников.

«Но что это? Как может один и тот же человек погибнуть дважды в разных местах?! — задавался вопросом генерал. — Какая-то чертовщина! Полковник Рыбкин при выполнении особо важного задания в Праге погибает при невыясненных пока обстоятельствах в автоаварии. На следующий день он же разбивается насмерть под Будапештом?! Полный абсурд!.. Так. Что известно? Известно, что генерал Белкин неожиданно ночью отправился в Прагу из Карловых Вар и поехал не по обычной дороге, а сделал крюк. Зачем?.. Он уже знал, что произошло?.. Если да, то откуда?.. Так. А если... он не знал, что произошло, но знал, что... должно было произойти?.. Стоп!.. Тогда... Что — «тогда»?.. Нет! Чуть! А если он ехал на встречу с Рыбкиным?.. Возможно. А могло случиться, что водитель Рыбкина спешил и, обгоняя в темноте, например... гужевую повозку, не справился с управлением и врезался во встречный грузовик? И да, и нет».

В голове прокручивались вопросы, вплоть до абсурдных. Взаимоисключающие версии то рассыпались, как песок, то появлялись вновь, и все требовалось систематизировать, досконально проверить, чтобы ничего не упустить. А потому отбрасывать какие-либо варианты было нельзя.

Наум Исаакович подошел к окну. Проснувшаяся после долгой ночи Москва как всегда с ходу включилась в водоворот дел. Время полетело без

тормозов. На столе, не считаясь друг с другом, трезвонили телефоны. Хозяин кабинета поднимал трубки, кого-то отчитывал, перед кем-то отчитывался...

И вот странное совпадение: дверь кабинета тихо отворилась, и прекратились телефонные звонки. Вошел помощник:

— Наум Исаакович, вы приглашали полковника Рыбкину. Зоя Ивановна ожидает в приемной.

— Зови. — Эйтингон постучал пальцем по пустой пачке папирос и, смяв ее, бросил в маленькую урну у ног, в углу письменного стола.

— Разрешите? — Полковник Рыбкина вошла в кабинет. Высокая, статная, просто и безупречно одетая, она посмотрела на хозяина кабинета и поняла, что он чем-то взволнован.

— Зоя Ивановна, проходи, садись.

— Благодарю.

В это время вновь открылась дверь, и в кабинет вошла Эмма Карловна Каганова, супруга генерала Павла Судоплатова и добрая приятельница Зои Ивановны. Она вошла без стука и села напротив Рыбкиной.

— Ты что такая хмурая? — обратив внимание на выражение лица, спросила ее Зоя Ивановна.

— Сын коклюшем болеет, — потупив взор, произнесла та. — Всю ночь кашлял...

— Зоя. — Наум Исаакович выдвинув ящик стола, достал из глубины припасенную на черный

день папиросу, прикурил с первой же спички и, затянувшись, дрогнувшим голосом на выдохе сказал: — Зоя, ты женщина мужественная...

— Что-то случилось? — сердцем чуя неладное, перебила начальника Рыбкина.

— Борис погиб, Зоя.

— Борис?.. Какой Борис?

— Муж твой, Борис Рыбкин погиб.

— Как погиб?..

— Выясняем. Произошла автомобильная авария. — Эйтингтон подумал и добавил: — Пришло два сообщения — одно из Праги, другое из Будапешта. Чертовщина какая-то, и там, и там обнаружен погибшим в аварии полковник Борис Аркадьевич Рыбкин.

— Ну вот. Это ведь ошибка? — растерянно спросила Зоя Ивановна, пытаясь вопросом отвести беду, но... в груди что-то сжалось в комок, сдавило дыхание и сделалось душно. — Нет-нет. Борис опытный, умный... осторожный... он не может... не мог погибнуть. Это — ошибка.

— К сожалению, нет.

— Ошибка...

— Сообщение из Праги поступило от генерала Белкина... Мы подключили все ресурсы. Выясняем подробности. Обещаю, все, что удастся узнать, тебе сообщу первой.

— Что?..

— Зоя, произошла большая беда, но необходимо держаться. У нас работа такая. Думаю, тебе... надо домой, немного прийти в себя, собраться с силами... Я ведь понимаю... Эмма Карловна проводит, побудет рядом...

— Нет-нет, спасибо, я сама. У меня дома мама болеет... не хочу, чтобы она заподозрила... — Зоя Ивановна встала, медленно направилась к выходу и уже в дверях обернулась: — Это ошибка, я уверена.

Эмма Карловна вышла следом, не поднимая глаз.

Наум Исаакович покрутил в пальцах погасшую папиросу, взял спички, чтобы прикурить, но, обломав пару штук, бросил коробок на стол и вмял окурочек в пепельницу.

— Как же так, Борис Аркадьевич, как же так, боевой товарищ!..

На следующий день Рыбкину вызвал к себе министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Он выразил соболезнование и, в свою очередь, заверил, что все обстоятельства дела о гибели полковника Рыбкина будут тщательно расследованы специально созданной комиссией.

Когда Зоя Ивановна вернулась к себе в отдел, ее попросили зайти к генералу Эйтингону.

Наум Исаакович рубанул с солдатской прямотой:

— Зоя Ивановна, ты прошла огонь и воду и отлично понимаешь, какова она — работа разведчика! Порой не только дела и жизнь наших сотрудников засекречиваются на десятки лет, но и обстоятельства героической смерти во имя общего дела — тоже! Одно знай — Борис Аркадьевич погиб, выполнив свой долг перед Родиной до конца. И мы всегда будем хранить о нем светлую память.

— Я получила письмо, которое он послал мне с оказией, — не совсем вслушиваясь в пафосную речь, произнесла Зоя Ивановна. Она достала из кармана жакета сложенный вчетверо листик, раскрыла и прочитала: *«Самый напряженный момент всей моей поездки наступил сейчас. ...в ближайшие дни все станет ясно. Надеюсь, все кончится благополучно. Ты, пожалуйста, не волнуйся. Может быть, пока это письмо дойдет, ситуация у меня изменится к лучшему»*. — Она показала листик Эйтингону. — Письмо датировано 11 ноября. Борис Аркадьевич был человеком уравновешенным и рассудительным. Чувством паники и преувеличения опасности не страдал. Что там могло произойти, Наум Исаакович?

— Он в Праге организовывал связь с нелегальной резидентурой одной из южноевропейских стран. Действительно, был сложный момент. И не только это. Больше ничего не могу сказать. Да и не знаю.

— А кто погиб там... под Будапештом?

— В машине «эмка», что попала в катастрофу под Будапештом, был капитан Суриков в шинели, папаше и с удостоверением личности полковника Рыбкина в кармане.

— Как?..

— Борис Аркадьевич перед отъездом в Прагу оставил свои вещи и удостоверение в Бадене, у капитана Сурикова. Сам же отправился выполнять задание с документом на имя Тихомирова. 28 ноября Сурикова из Бадена, где он находился в командировке, вызвали в Будапешт. Погода — холодная, у капитана не оказалось своей шинели. Он надел шинель и папаху Рыбкина и взял с собой удостоверение личности полковника. Цепь трагических совпадений и случайностей. — Эйтингон замолчал. Из глубин памяти вдруг всплыло: «Случайность — непознанная закономерность, совпадение predetermined событий».

— Странно все это, — выдохнула Зоя Ивановна. — А как получилось, что генерал Белкин ночью нашел разбитую машину с Борисом? Он был в курсе его задания?

— Не знаю, но полковника Рыбкина снабдил удостоверением на имя Тихомирова Александра Николаевича именно Белкин, — ответил Эйтингон и через секунду туманно добавил: — Они должны были встретиться в Праге. Все было predetermined.

— Ясно, Наум Исаакович. Извините за вопросы.

— Понимаю.

Случилось так, что разговор этот получил неожиданное продолжение. Из Праги с оказией пришло последнее запоздалое письмо Бориса Аркадьевича, написанное им за четыре дня до гибели жене: *«Сейчас выезжаю на один день в Берлин, а 26-го из Берлина «к себе» в П., буду там вечером. Не позже 29-го буду у Белкина, т.к. мои документы на пребывание в П. кончатся 30 ноября. Оттуда сейчас же созвонюсь с начальством, после чего, уверен, смогу выехать домой»...*

Весь день Зоя Ивановна работала в отделе, замечая, как вокруг нее стихали разговоры сотрудников, все понимали, что случилось огромное горе, которое словами сочувствия не унять. Надо стерпеть эту боль, как бы она не жгла — боль утраты любимого человека, мужа, соратника и верного друга. Зоя Ивановна еще не понимала, как с этим можно жить и удастся ли ей докопаться до истины? Но одно она знала наверняка, смириться с тем, что повинные в смерти ее мужа люди будут безнаказанно жить, не сможет.

Вечером, придя домой пораньше, она, как и вчера, решила ничего матери не говорить о Борисе. Александра Дмитриевна лежала в кровати, но не спала.

— Зоенька, ты рано сегодня пришла. И вчера...

— Я не рано, мама, я пришла вовремя. И вчера — тоже.

— Ты что-то скрываешь от меня? Может, случилось что?

— Нет-нет, мамочка, что мне скрывать?.. Ах да, лекарство тебе купить забыла. Ты извини, я сейчас... я быстренько обернусь.

— Устала ты за эти дни. Может, не надо никуда?..

— Ничего, успею еще отдохнуть.

Александра Дмитриевна улыбнулась своей Зоньке так, как умела лишь она.

— Ладно, доча, надо, так езжай и возвращайся скорей.

— Я быстро, мамуль. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Хорошо, вот только с этим сырым климатом беда.

Второй год в Харбине, а все не привыкну к нему.

1932 год. Середина июня. Харбин

До улицы Набережной Зоя доехала на своем велосипеде минут за сорок. У дома № 5 спешилась, немного прошла, почувствовав, как твердый грунт под ногами сменился укатанным песком, и крикнула через калитку:

— Хозяева, есть кто во дворе?!

Маленькая девочка, сидя на табурете перед ухоженным палисадником, вертела на коленях фланелевого медвежонка, пытаясь запеленать его

большим мужским носовым платком. У нее ничего не получалось. Но она терпеливо вновь и вновь принималась за дело.

— Хозя-ева... — повторился окрик.

Девочка посмотрела вокруг и, заметив у забора молодую красивую тетю, крикнула ей:

— Ой, здравствуйте! Я сейчас маму позову! — И убежала в дом.

Вскоре на пороге появилась хозяйка — невысокая, русоволосая женщина. Она посмотрела на гостью и всплеснула руками:

— Что случилось? У вас нога в крови!..

— Упала. Я плохо вожу велосипед, а тут решила прокатиться.

— Проходите, садитесь на табурет, я сейчас принесу теплой воды и йоду. Маруся, — обратилась хозяйка к девочке, — протри табурет полотенчиком, пусть тетя сядет.

— Табурет у нас чистый, я сама на нем только что сидела. И вы садитесь, не бойтесь, — обратилась к гостье девочка.

— Спасибо.

— А как вас зовут?

— Зоя зовут меня, а фамилия Казутина.

— А я — Маруся Перова. Мне уже вот столько годиков, — показала она четыре пальца. — А это мой любимый медвежонок Мишка. Сыночек мой.

— Очень приятно.

— Это ваш велосипед?

— Да.

— Красивый. И вы тоже красивая.

— Какая ты славная, Маруся! — рассмеялась Зоя Казутина и погладила девочку по голове.

— Дочь, принеси йод и бинт, они на кухне остались, на столе. Я пока рану тете промою, — скомандовала мать, показавшись на пороге с тазом.

— Ее зовут Зоя Казутина, мама, — сказала Маруся и убежала в дом.

— Слыхали, и так целый день без умолку, — усмехнулась хозяйка и, взявшись за обработку раны, предупредила: — Будет немного щипать, вы уж потерпите.

— А почему вы не спрашиваете, как зовут мою маму? — поинтересовалась Маруся, как по дуновению ветерка слетав на кухню и вернувшись назад к Зое с коричневатым пузырьком и бинтом в руках.

— Ох уж эта Маруся, — покачала головой мать, промокнув края раны йодом и накладывая повязку на колено гостыи. — Ну, вот, кажется, все.

— Спасибо вам.

— Меня Надеждой Афанасьевной зовут, — протянула руку хозяйка. — Но лучше по-простому, Надя.

— Зоя Казутина. Очень приятно.

— Вот и познакомились. Просим с Марусей попить с нами чайку.

Хачик Хутлубян

— Спасибо, с удовольствием.

За столом женщины разговорились.

— Вы давно в Харбине? — спросила Зоя Надю.

— Давно.

— А я два года. Работаю в Нефтяном синдикате. Продаем китайцам бензин и нефтепродукты.

— Освоились уже?

— Я — да. Все хорошо. Мама долго привыкала к влажной духоте. Теперь, правда, не жалуется, но и не жалуется ее.

— Ой, я тоже не сразу обвыклась.

— Ага. Мама очень любит внука своего Володю — сынишка мой — на годик младше вашей Маруси.

— Успела уже показать на пальцах сколько ей лет? — рассмеялась Надя.

— Да, такая она у вас смышленная. Надо их познакомиться, пусть дружат. Если вы не против, конечно. Мы ведь не очень далеко от вас живем — минут тридцать-сорок на велосипеде.

— Буду только рада. Да и Маруся — тоже.

За разговором время пролетело незаметно — о женской доле, о детях, о домашних делах-хлопотах, о жизни в Харбине — обо всем успели поболтать по-свойски Зоя с Надей и в конце перешли на «ты».

Когда стало смеркаться, гостя собралась домой. Хозяйка хотела было оставить ее на ночь у себя.

— В сумерках тут ходить опасно, — сказала она.

— Я же не пешком, я на велосипеде, — улыбнулась Зоя.

— Это без разницы.

— Нет-нет, там мама с Володей одни. Ждут меня. Поеду.

— Ты, главное, не останавливайся нигде, пока не выедешь из пригорода. Это Фудзя-дянь — китайский район. Будь осторожна. Здесь наших женщин не любят. Особенно держись подальше от маковых плантаций. Заедешь туда — могут и убить.

— Когда ехала сюда, что-то не видела никаких плантаций.

— Теперь увидишь. Эти плантации под бандитским надзором, им же и принадлежат. Целые баталии из-за этого разыгрываются. Опиум — дело денежное!

По совету Нади Зоя поехала домой другим более коротким путем, который можно было считать и более безопасным, если не сворачивать с него, конечно. Велосипед летел по грунтовке вдоль мутной и очень широкой реки Сунгари, берега которой местами полыхали опийно-маковыми плантациями. На фоне закатного неба они выглядели зловеще красиво. Зоя даже засмотрелась на них. И надо ж было случиться такому — на ухабе велосипед тряхнуло и... со звездочки слетела цепь!

Утром еще Зоя обнаружила, что она ослабла, но так и не удосужилась ее подтянуть. Теперь, оставшись на холостом ходу и без тормозов, едва зарулила на пригорок и на подъеме остановилась, у самой кромки плантации. Она сошла с велосипеда, положила его на землю и склонилась над ним, чтобы устранить неполадку.

Все произошло очень быстро!

Зоя и вскрикнуть не успела, как словно из-под земли выросшие два сухощавых загорелых китайца накинулись на нее, скрутили, связали руки и, сунув в рот кляп, потащили в землянку. Крыша ее, закиданная травой, походила со стороны на обычный бугорок неподалеку.

Землянка оказалась довольно просторной и глубокой. Внутри тянуло сыростью. Один из китайцев лающей скороговоркой что-то приказал второму и тот, резко толкнув в угол Зою, сбил с ног и придавил коленом между лопаток, чтобы не дрыгалась. Напарник в это время ловко накинул ей на шею веревку и затянул петлю. Зоя стала задыхаться, закашлялась и не расслышала похожий на шелчок кнута звук револьверного выстрела!.. Китаец с веревкой ткнулся лицом в землю. Из затылка его, брызнув, хлынула кровь. Второй — вскинул голову на звук и получил пулю в висок!

— Вы живы? — донесся до слуха Зои приглушенный мужской голос. Это был человек в тем-

ном костюме, шляпе и с подкрученными кверху офицерскими усиками. Сунув револьвер за пояс, он вытащил кляп изо рта молодой женщины, развязал ей руки и помог выбраться из землянки.

— Как вы здесь оказались? — спросил мужчина, выводя Зою к грунтовой дороге, где в сгустившихся сумерках затаился его черный легковик.

— У меня тут велосипед, — только и успела махнуть рукой Зоя, как сопровождающий не очень галантно втолкнул ее в салон, на заднее сиденье авто и мягко прикрыл за ней дверцу. После, опустив переднее и заднее боковые стекла с правой стороны автомобиля, он приподнял с земли велосипед и крепко привязал его за раму к междверной стойке китайской веревкой, на всякий случай прихваченной им из землянки.

— Нам нужно побыстрее убираться отсюда, — усаживаясь за руль, произнес мужчина, завел двигатель и тронул машину с места, не включая фар. — Так как вы здесь оказались? — повторил он свой вопрос, внимательно следя за дорогой.

— У подружки гостила, — решила не вдаваться в подробности Зоя. — А вы откуда появились тут?

— Проезжал мимо.

— Вы... убили их?

— Китайцев?.. Да. Иначе они убили бы вас, пардон. Это хунхузы — местные бандиты, промышляющие опиумом. Они ни с кем долго не

церемонятся. Чуть что — удавку на шею, труп — в воду. Не думаю, что в ваши планы входило кормить собой рыб на дне этой большой грязной лужи, экскюэз ми, конечно. — Мужчина посмотрел в зеркало заднего вида на спутницу и с улыбкой добавил: — Знаете, как эту реку сами китайцы называют? — «Веселое кладбище».

— Куда вы меня везете? — спросила Зоя, стараясь не обращать внимания на пугающие подробности.

— Подальше отсюда.

— А вы кто?

— Я?.. Человек... человек, который может защитить себя и свою даму.

— Очень вам благодарна, вы спасли мне жизнь, но я не ваша дама.

— Так станьте ею. Более подходящего случая и не придумаешь, — рассмеялся собеседник. — Мое сердце как раз свободно.

— Извините, но не могу. Домой надо.

— Понятно. Просто вы меня еще не разглядели.

— Возможно. Спасибо за понимание.

Мужчина повернулся назад, с интересом посмотрел на Зою и, подумав: «Баронесса, не иначе», произнес:

— Конечно, сударыня. Вы можете не сомневаться на счет моих намерений. Они чисты, как слеза.

Солнце в Харбине большое и желтое. Припекает с утра. Зоя встала рано, умылась, привела

себя в порядок и собралась на работу. Сынишка еще спал, поправив ему подушку, пошла на кухню. Мать возилась с завтраком, это был ее утренний ритуал. В Харбине признаками благонадежности человека считались хороший дом и прислуга в нем. У Зои Ивановны было и то, и другое. Должность в советском Нефтяном синдикате и высокая зарплата позволяли ей это. Правда, роль прислуги в Харбине выполняли... молодые китайские мужчины. Домработника звали по-русски Миша. К Зое Ивановне и ее матери он обращался уважительно — «мадам капитано», что означало — «госпожа». Миша легко и быстро управлялся с хозяйственными делами, включая уборку, и никогда не делил работу на женскую и мужскую. Александра Дмитриевна очень быстро нашла с ним общий язык, тем более что Миша на удивление хорошо говорил по-русски и умел готовить даже щи. Но Александра Дмитриевна не хотела отказывать себе в удовольствии с утра покормить дочь. И Миша к этому относился с пониманием. Чтобы не мешать родным в общении, в ранние часы парень занимался уборкой во дворе. Разумеется, там всегда был образцовый порядок. Частенько Мише приходилось выходить в город по домашним делам. Александра Дмитриевна видела, с какой охотой выполнял он эти поручения, и была не против того, чтобы парень «не чувствовал себя, как на при-

вязи». С Зоей у него также сложились доверительные отношения.

— Мамочка, когда Володька встанет, пусть погуляет во дворе с Мишей, — как всегда бодрым голосом произнесла Зоя.

— Он в городе, по делам. Сама с Володькой погуляю. Ты давай, садись за стол.

— Я есть не хочу, только чаю попью, мам.

— Другого и не ожидала услышать, — улыbnулась Александра Дмитриевна. — Бутерброды тебе завернула, возьми.

— Спасибо. Я с работы пораньше вернусь, не так, как вчера.

— Ой ли, — покачала головой мать и, когда дочь выходила из кухни, перекрестила ее тайком.

Зоя выкатила велосипед, с туго натянутой цепью за калитку. Вчера ночью, когда незнакомец подвез ее к самому дому, он отвязал дамский велосипед от стойки автомобиля и, заметив неполадку, накинул на звездочку цепь, хорошенько натянул ее и накрепко закрутил гайки заднего колеса.

— Получайте своего «железного коня». О, марка ВС-А — хороший велосипед, нынче очень популярен.

— Спасибо, — поблагодарила его Зоя. — К сожалению, не знаю вашего имени.

— О, разрешите представиться, лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады поручик Василий Суворов, — гарцуя, как на коне, кивнул он.

— Очень приятно, Зоя Казутина, сотрудница Нефтяного синдиката, — произнесла Зоя и, не сдержав улыбки, спросила: — Скажите, Александр Васильевич Суворов, случайно, не приходился вам родственником?

— Сударыня, Суворовы во все времена составляли гордость русской армии, и все они приходится родственниками друг другу. Честь имею, — откланялся Василий, красиво сел в свою машину и уехал.

Это было вчера, а сегодня — Зоя, одетая в модную, до колен, серую юбку-плиссе, белую батистовую блузку и в легкой конической шляпке «нонбайт-хо», крутила педали велосипеда, направляясь в центр города. Время было семь утра. Она подъехала к дому, часть которого принадлежала начальнику харбинской полиции. Здесь же, по соседству, находилась конспиративная квартира советской разведки, устроенная по принципу: «лицом к лицу, лица не увидеть». Расчет был точный — никому и в голову не могло прийти, что такое возможно — устроить под носом у важного полицейского чина место для секретных встреч. Ведь это сразу провал. Но если учесть, что главный городской страж дни напролет проводил в участке, а домой приезжал лишь поспать, становилось понятно — более безопасного места и не найти. Работы полицейскому хватало с избытком. Тут уж не до соседей. Харбин был социально беспокойным и политически перегретым городом.

В нем обитали представители различных эмигрантских кругов — носители непримиримых идеологий, вплоть до враждебных. И общество, совмещая несовместимое, порой искрило так, что могло полыхнуть где угодно и когда угодно! Не дремал и криминал — редкий день обходился без грабежей, убийств и похищений людей из числа состоятельных эмигрантов, богатых китайцев — коммерсантов, банкиров и промышленников — с целью получения выкупа. Грешили этим большей частью хунхузы. Не останавливали их и закрепленные законодательно жесточайшие способы наказания. Преступников карали казнью через медленное удушение, забивали бамбуковыми палками насмерть и... дальше лучше не перечислять. И все это прилюдно, в назидание другим. Харбинской полиции, естественно, приходилось принимать все меры к тому, чтобы мутный водоворот коллизий окончательно не затянул ко дну остатки городского благополучия. Человек, с которым у Зои была назначена встреча, ожидал ее со вчерашнего вечера. Когда она вошла в квартиру, он настороженно спросил:

— Что случилось?.. У вас перевязано колено? Почему вы не пришли в назначенное время?

— Я все расскажу по порядку.

— Хорошо.

— Первое, мне удалось установить дружеский контакт с Надеждой Перовой. На днях я упала с велосипеда и ободрала колено. Вчера у дома Перо-

вых я сорвала повязку с ноги и попросила помощи у хозяйки, будто упала только что. Так мы познакомились, разговорились и сблизились. Завтра вновь встречаемся у них, я возьму с собой Володю, пусть подружится с Марусей, дочерью Надежды Перовой.

— А надо?

— Почему нет? После завтрашней встречи, думаю, мне будет что доложить вам по существу.

— Завтра на встречу придет Петрович.

— Сам?

— Да.

Петровичем называли Василия Рощина — руководителя резидентуры в Харбине. Дело Перовых находилось под его особым контролем.

— Это еще не все, — сказала Зоя. — Вчера вечером, когда я возвращалась от Перовой, по ее совету поехала по короткому пути, вдоль реки Сунгари, мимо маковых плантаций...

Зоя в подробностях рассказала о том, что с ней произошло и как ее спас человек, назвавшийся поручиком Василием Суворовым.

— Василием? Надо же, тезка Петровича. Если он появится вновь, познакомьтесь с ним поближе.

— Думаю, появится.

— Типичный представитель белоэмигрантских кругов. Возможно, «клюнула серьезная рыба»...

Ровно в восемь Зоя Ивановна без опоздания вошла в свою контору. Несмотря на молодость, на

работе ее называли по имени и отчеству. В свои 23 года она заведовала секретно-шифровальным отделом советского Нефтяного синдиката в Харбине. А еще Зоя Ивановна Казутина, в девичестве Воскресенская, была сотрудницей ОГПУ, направленной сюда для разведдеятельности, и не одна, а в сопровождении трехлетнего сына Владимира — оба — и мать, и сын — под присмотром бабушки Александры Дмитриевны. Ну и домработника Миши, разумеется. С мужем, комсомольским работником Владимиром Казутиным, у Зои отношения не сложились. Он не смог смириться с тем, что его красавица-жена оказалась целеустремленным человеком с решительным характером. Сами супруги причиной семейного разлада называли идеологические разногласия, которые привели к разводу в 1930 году. Вскоре после этого Зоя вместе с матерью и сынишкой уехала в служебную командировку в Харбин.

День на работе пролетел быстро. Продажа китайцам бензина и других нефтепродуктов в условиях жесткой конкуренции с такими западными фирмами, как «Стандарт» и «Шелл», было делом весьма хлопотным, если не сказать больше. Несмотря на то что работа в синдикате являлась для Казутиной прикрытием, спрашивали с нее начальники, как и со всех других сотрудников по полной строгости. И Зоя Ивановна в поблажках не нуж-

далась, с обязанностями справлялась хорошо. Домой, как и обещала матери, она вернулась рано. У калитки, когда сошла с велосипеда, неожиданно встретила... вчерашнего кавалера, спасшего ее от китайских бандитов.

— Добрый вечер, мадемуазель! — произнес он на французский манер. Теперь можно было его получше рассмотреть. Чуть выше среднего роста, сероглазый брюнет с усиками и в костюме выглядел вполне молодцевато.

— Добрый вечер, Василий Суворов, — улыбнулась Зоя, изобразив на лице удивление. — Какими судьбами?

— Я тут проезжал мимо и подумал, может, повезет увидеть вас. Повезло. Н-да. Это вам. — Он протянул Зое букет красных роз.

— Спасибо. Но в честь чего?

— В честь моей любви к прекрасному, мадемуазель.

— Мадам, — поправила его Зоя и рассмеялась. — Не мадемуазель, а мадам.

— Вы замужем? Кгм, — теперь уже удивился Василий.

— Была. В разводе.

— Мадам, не откажите мне в удовольствии поужинать с вами сегодня вечером. Неподалеку, на улице Китайской, есть один хороший ресторанчик. В районе Пристани, знаете, да?

— Пристань? Это та часть Харбина, где много пекарен, магазинов, кафе-шантанов и ресторанов? Иногда езжу туда на велосипеде, покупать наши русские сайки — булочки такие. Знаете, да?

— Хм. Сам их люблю. Но хотел бы предложить вам другую кухню. Возможно, она и кажется некоторым несколько, э-эм, экзотической...

— Знаете, я к местной кухне не совсем привыкла еще.

— Понимаю. Особенность китайцев — поедать все, что бегает, прыгает, ползает и летает вокруг них, может, вам и непривычна, но если распробовать это меню под местным соусом и с приправами, то уверяю вас...

— Нет-нет, не сейчас.

— Тогда мы можем погулять в городском саду, на Приistani? Сегодня там играет духовой оркестр. Подъеду через час. Вас устроит?

— Вполне. Но будем гулять недолго. Сын дома ждет. Скучает без меня.

— Шарман, мадам!

— Оревуар, — не ударила в грязь лицом «баронесса».

— Конечно. Подъеду через час. Вас это устроит?

На встречу с Василием Рощиным Зоя пришла без опоздания, за руку с сынишкой. Увидев малы-

ша, советский резидент заулыбался и, кажется, забыл, зачем он здесь.

— Ну, здравствуй, мамин помощник, — протянул руку мальцу Василий Петрович. Тот молча подал свою. — Серьезный парень. Зовут-то как? — подмигнул мальчику дядя.

— Ва-одя, — в ответ насупился тот.

— Володя? Хорошо. А меня Василием зовут. Можно дядя Вася. Ну, что, Володя? Хочешь послужить трудовому народу?

— Ага, — кивнул тот в ответ, не понимая чего от него хотят.

— Молодец. Вот тебе революционный «наган»! — вытащил Рошин из кармана светлого пиджака выпиленный из доски игрушечный пистолет и протянул мальчику. Держи. Думал в июне выкроить недельку на родину в Спасск съездить, внучка проведать, ан не получилось. Зато тебе подарок. Владей, охраняй мамку. Она у тебя хорошая, красивая и очень смелая.

Володя посмотрел на мать, та кивнула:

— Ну, что ж ты не берешь, сынок, видишь, что тебе дядя Василий принес?

— Спасибо, — произнес мальчик и, прижав игрушку к груди, побежал к окну посмотреть на прохожих.

— Ты что это, Зоя Ивановна, к Перовым с мальцом ездила? Зачем ребенком рискуешь?

Забыла, что в прошлый раз с тобой приключилось?

— В прошлый раз я на велосипеде ездил, а в этот раз нас отвезли на машине и привезли тоже на ней же.

— Откуда роскошь?

— Знакомый, бывший поручик Василий Суворов, когда узнал, что собираюсь в гости к «подруге», вызвался подвезти. И туда, и обратно. Вчера, на Пристани, гуляя в городском саду — он приглашал — я в беседе «проговорилась» ему. Суворов отреагировал, — передала в лицах разговор Зоя: — «Это не в том ли районе, где я вас вырвал из рук китайцев?» — «Да». — «Извините, но не могу допустить, чтоб вас вторично похитили. Разрешите, я подвезу вас к дому подруги. У меня как раз там неподалеку свои дела имеются. Кстати, э-м, как зовут подругу, если не секрет?» — «Не секрет, зовут ее Надя Перова». — «Перова?» — «Вас что-то смущает?» — «Нет, что вы, просто фамилия показалась знакомой. Совпадение, знаете ли».

— Странная реакция, — выслушав артистичный рассказ Зои, заключил Рошин.

— Мне показалось, что он знаком с семьей, но не захотел говорить об этом.

— Мне тоже так кажется. Если можно, поподробнее, пожалуйста, про поручика и вашу прогулку.

— Ходили по парку, любовались фонтанами, прудами. Попили чаю с ванильным печеньем в кафе.

— Прекрасно.

— Он интересовался — кто я, откуда, как оказалась в Харбине? Уверена, что не случайно все это. К тому же за нами следили все время. Вернее, следил один человек. Где бы мы ни ходили, он на приличном расстоянии следовал за нами. Иногда я поворачивалась назад, поправляя шляпку или вытряхивая попавший в туфлю камушек. Он тут же исчезал из виду. Но позднее появлялся вновь. Я его «срисовала». По виду бывший белый офицер.

— Смотрины тебе устроили. Этот... тезка мой, Василий Суворов, пытался вербовать тебя?

— Да, и довольно прямолинейно. Спрашивал: «Что вас связывает с «советчиками»? Почему вы работаете в красном синдикате? Вы же дворянка. Или я ошибаюсь?» — «Нет, не ошибаетесь. Но в Харбине сегодня менее опасно быть дворянкой, нежели в советской России. А в Нефтяном синдикате платят хорошие деньги. Так что мне еще повезло устроиться к «советчикам», как вы их называете». — «Кем?» — «Экономистом».

— И что он?

— Он? Очень чувственно произнес: «Мадам, если вы нуждаетесь в деньгах, вопрос этот легко решить. Есть люди, которые готовы платить... обеспечить не только материальную сторону ва-

шей жизни, но и наполнить ее духовным содержанием». — «Кто же они?» — «Патриоты России, мадам! Если вам это действительно интересно, я готов вас познакомить с некоторыми из них». — «Уж не с тем ли, кто все это время ходит за нами, словно тень»? — не сдержалась я. При этих словах у него дернулось веко, но он тут же взял себя в руки: «Напрасно вы смеетесь, мадам. Все, что я вам сказал про братство русской правды, — это достаточно серьезно!» — «Какое братство? Вы говорили о патриотах России». — «Это одно и то же, мадам!»

— А ты что?

— Пришлось сделать вид, что поверила.

— Ладно. То, что ты заметила шпика за вами, это, конечно, хорошо, но сказала об этом зря. Ты же молодая барышня, «дворянка», гуляешь с интересным офицериком, какой там шпик за спиной? А так насторожила его. Зачем? Он теперь задумается, станет больше присматриваться, следить за словами, причем не только своими, но и твоими тоже.

— Я с детства наблюдательная. Само собой как-то вырвалось. Не думаю, что все так далеко зашло. Суворов — щеголь, больше занят собой, ему важно, какой эффект он сам производит на других, а не наоборот.

— Может, и так. На роль глупышки ты все одно не тянешь. Но наперед будь сдержанней.

— Учту, Василий Петрович. И вот еще... смешно получилось. Когда мы оказались у нашей калитки, я попрощалась и хотела уйти, а он по-серьезнел, взял меня за руку и загадочно спросил: «Скажите, мадам, меня все время мучает вопрос: покойная баронесса Штерн не приходилась ли вам родственницей»? Вид у него при этом был такой, что я едва не прыснула смехом. Правда же, жаль было разочаровывать его и я пошла на поводу: «Баронесса Штерн приходилась мне двоюродной теткой». Соврала, конечно, но надо было видеть его восторг: «Вот! Я так и знал! Вы можете ездить на велосипеде, можете работать у большевиков в синдикате, но породу, схожие черты скрыть нельзя, баронесса!» — Он нагнулся и поцеловал мне руку. Я опустила голову, чтобы скрыть усмешку.

— Занятно, конечно, но вот что я тебе скажу, дорогая Зоя Ивановна. Тобой заинтересовалось «Братство русской правды» — БРП — белоэмигрантская фашистская организация. Действительно, серьезная структура, среди других подобных формирований, наводнивших Харбин. Могу поделиться некоторыми подробностями. Наверняка ты слышала о них.

— Кое-что.

— Ничего, полезно освежить в памяти. Так вот, это самое БРП имеет свои отделения в 22 странах, кроме России. Харбинским отделением руководит белый генерал Петр Бурлин.

— Солидно.

— В отделение входит несколько групп по двадцать-тридцать человек в каждой. Род деятельности «братчиков», как они себя называют, — вербовка агентуры и проведение диверсий по заданию японской военной миссии в Харбине. Кстати, этот Суворов, если, конечно, не имеет отношения к верхушке организации, возможно, и не подозревает, что его и таких, как он, используют для подрывной работы японцы. Российским патриотизмом там и не пахнет. Это тебе на заметку. И еще — все, что он наговорил, имеет под собой одну подоплеку — беляки что-то замышляют. О том сообщает и наш источник.

— Вы так хорошо осведомлены...

— Работа такая. Когда ты говоришь, у вас назначена следующая встреча?

— Суворов попросил номер моего служебного телефона, сказал, что должен согласовать время следующей встречи с одним влиятельным человеком. Тогда, мол, протелефонирует насчет «рандеву». Я согласилась. А он добавил: «Хочу, чтоб вы знали, все это я делаю, исключительно заботясь о вашем материальном благополучии».

— Зоя, будь осторожна. Как только узнаешь о месте и времени встречи, передай через Сергея Иванова, он подстрахует.

— Хорошо.

— Хорошо, да не очень.

— Почему?

— Понимаешь, как-то гладко все получается. — Рошин слегка тряхнул головой. — Баронесса из ОГПУ!.. Ничего не настораживает, нет?

— Нет. Он же не в курсе, что я из ОГПУ.

— Я о другом — ты вообще знаешь, кто такая баронесса Штерн? — улыбнулся Петрович.

— Не-а, — совсем по-девчачьи ответила Зоя.

— Не годится такое отношение к «родственникам».

— Поняла вас.

— Вот, теперь хорошо. А что у нас с Перовыми? — поменял тему Рошин.

— Василий Петрович, с Перовыми не все так однозначно. Для дальнейших действий требуется ваше «добро».

— Какое?

— Разрешите завтра доложить. У меня с Надеждой Перовой намечается предметный разговор. Сложится более полная картина.

— Ладно, завтра, так завтра. Доложишь.

— Докладываю, господин штабс-капитан.

— Послушайте, Суворов, я же просил — без формальностей. Что за штабс-капитан? Не в лейб-гвардии, право. И хватит гарцевать, как на коне.

— Виноват! Многолетняя привычка, Александр Артурович. Исправлюсь.

— Докладывайте уже.

Бывший поручик Василий Суворов, стоя перед руководителем белофашистской группы БРП в Харбине, экс-штабс-капитаном Александром Артуровичем Хольмстом, докладывал о ходе агентурной разработки дамы из Нефтяного синдиката красных. Хольмст слушал, периодически взбивая назад челку со лба и цепляясь к словам. Его почти по-девичьи красивое лицо весьма портил неприятный взгляд светло-голубых глаз. Руки «штабса», которые никогда ни к чему тяжелее рюмки, «нагана» и шашки не прикасались, покоились на столе, демонстрируя Суворову образец ухоженных ногтей на пальцах.

— Мною достоверно установлено, — продолжал поручик, — нашему «объекту» — Зое Казутиной — 23 года. Она имеет трехлетнего сына, дворянка, больше года назад уехала из советской России вместе с матерью по идейным соображениям. Нуждается в деньгах. Работает у красных из-за материальной выгоды. И еще! — через небольшую паузу добавил он: — Казутина приходится двоюродной племянницей покойной баронессе Штерн.

— Казутина? — поигрывая брезгливой ухмылкой на тонких губах, переспросил Хольмст.

— Это ее фамилия по мужу.

— Кто он?

— Комсомольский работник.

— Кто-о?!

— Они не живут вместе. Разошлись по идейным взглядам.

— Черт-те что.

— Господин, э-а... Александр Артурович, думаю, одна-две встречи еще, и я ее полностью перевербую.

— Как-то у вас все скоро получается, с эдаким кавалерийским наскоком. Вам нужно понять, что в нашем деле так нельзя. Не в лейб-гвардии.

— Далось вам, ей-богу...

— Не обижайтесь. Я хочу, чтобы вы не совершили ошибки с этой Казутиной. Как ее девичья фамилия?

— Э-э, не успел уточнить.

— Черт подери! Опять промазали, артиллерист! А говорите, что она родственница баронессы Штерн. Вы не допускаете, что баронесса ей такая же тетька, как Наполеон Бонапарт — вам дядя. А? А что, если она о своей тете и слыхом не слыхивала, впервые узнав о ее существовании от вас? Прежде чем докладывать, надо было все хорошенько проверить. Но и не забывать, конечно, что времени у нас в обрез.

— Так точно, Александр Артурович. Проверю непременно. И напоследок — она мне вчера проговорила, что собралась к подруге в гости. Я спро-

сил, где живет подруга. Оказалось, что в пригороде, в китайском квартале, где я ее подобрал в первый раз. Я, естественно, предложил подвезти ее. Что меня удивило — она назвала адрес Григория Перова. Получается, она подруга его жены?

— Вы меня спрашиваете? Василий, это не «напоследок», с этого надо было начинать доклад, прежде разобравшись в деталях. А вы мне втираете про баронессу. Штерн умерла, ее уже ни о чем не спросишь. А вот Григория Перова спросить можно. Вы говорили с ним?

— Никак нет-с.

— Ох-х, Суво-оров... — Хольмст откинулся на спинку кресла, прикрыл веки, придавая значимость моменту, и произнес: — Значит, мы поступим так. Слушайте и запоминайте...

— Слушаю, что ты мне хочешь сказать?

— Надя, я скажу тебе то, что говорить не должна. Но я хочу, чтобы ты мне поверила. — Зоя встала, подошла к окну, посмотрела, как во дворе Маруся возилась со своим фланелевым медвежонком Мишкой. Неподалеку, прислонившись к веранде у палисадника, отдыхал ее велосипед. Вернувшись к Наде, Зоя тихо произнесла:

— Я могу тебе помочь. Помочь воссоединить семью.

— Что ты говоришь, Зоя? Как ты сможешь?

— Мне нужно встретиться с Григорием. Но прежде ты должна убедить его сдаться.

— Если Гриша здесь объявится, нас всех арестуют, а его расстреляют прямо в Харбине. Даже в Москву везти не станут. Как ты не понимаешь, он преступник, враг советской власти, враг народа. — Надя опустила голову, прижала ладони к лицу и беззвучно заплакала.

Вчера, разговаривая с Роциным, Зоя хотела получить «добро» на то, чтобы открыться Наде — кто она есть на самом деле. Обстоятельства способствовали. Но для этого надо было еще раз встретиться с Надей, чтобы убедиться в ее искренности. Все зависело от того, как пойдет разговор. И вот... разговор сложился так, что Зоя была вынуждена без разрешения Роцина открыться Наде. Иначе женщина замкнулась бы и на откровения больше не пошла. Зоя решила рискнуть:

— Надюша, я не из женсовета и говорю с тобой не из чувства дамской солидарности. Прошу тебя побеседовать с ним, потому что так будет лучше для всех. Поверь тому, что говорю. Я приходила к вам не случайно. Я из госбезопасности.

— Откуда?.. А-а... из ОГПУ? Вон оно что?! — Надя убрала ладони от мокрого лица и, все еще подрагивая плечами, гробовым голосом произнесла: — Ты пришла по наши души. Что ж, бери то, за чем пришла. Вот они — мы!..

В это время дверь как назло скрипнула, и в комнату вошла Маруся:

— Тетя Зоя, у меня опять не получается запереть Мишу, помоги.

— Нет! Не подходи к ней, дочь! — Надя подлетела, схватила на руки Марусю и с такой силой прижала к своей груди, что девочка от испуга уронила медвежонка и заплакала. — Не дам ее! Не дам! — вновь разрыдалась мать.

Зоя почему-то вспомнила о своем Володьке, посмотрела на залившихся слезами мать и дочь, села на стул и сама горько разревелась.

Когда атмосфера в комнате накалилась до критического состояния, первая пришла в себя Маруся.

— Мама, мне больно, не прижимай так, — сказала она по-детски обиженным голосом.

— Не отдам тебя, Маруся, никому не отдам, — задыхающейся скороговоркой отозвалась мать и, подняв мокрые глаза на Зою, прошипела: — Ты что слезы тут льешь, панихиду еще не заказывали.

— Как ты можешь так говорить, Надя? Я ведь правда помочь пришла. Почему ты мне не веришь?..

— Я не знаю, кому верить. Мне страшно, — усталым, отплаканным голосом бросила Надя. Она как стояла спиной к кровати, так и села на нее не глядя. — Страшно...

Дорога от дома Перовых до конспиративной квартиры еще никогда не казалась Зое такой ко-

роткой, как в этот раз. Разговор с Надей, который она прокручивала в голове, ничего хорошего не сулил. Ей предстояло доложить Рошину о результатах двух последних — вчерашней и сегодняшней — встреч с Надеждой Перовой. Зоя крутила педали велосипеда и думала о произошедшем, не понимая, как будет выходить из сложившейся ситуации, если Рошин откажется понять мотивы ее поступка.

Василий Петрович, увидев Казутину, сразу почувствовал неладное, тем не менее спокойным голосом спросил:

— Что-то случилось?

— Может получится так, что в интересах дела мне придется раскрыться перед Надеждой Перовой — кто я есть на самом деле, — выдохнула Зоя. — Разрешите?..

— Ты отдаешь себе отчет, о чем меня просишь? — коротко спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Что значит открыться? В нашем случае это означает сознательно провалить дело.

— Но почему? — утрачивая надежду, спросила Зоя.

— Как почему? Ты просишь согласия подвести себя под расстрельную статью за предательство. Меня, заодно с тобой, может, сразу и не расстреляют, но уволят из органов и однозначно посадят.

— Я поняла, — вздохнула Зоя. — Можете считать, что ни о чем вас не спрашивала и не проси-

ла. — В какой-то момент ей показалось, что из-под ног стал уходить пол.

— Так, давай не мудри, девонька, договаривай, что задумала. — Роцин взглянул в большие серые глаза Казутиной, которые поблескивали не то от намернувшихся слез, не то от решительности.

— Сегодня во время беседы с Перовой сложилась ситуация, когда для успешного выполнения задания пришлось скорректировать исходные данные, — довольно туманно произнесла Зоя. Но Василий Петрович, похоже, все правильно понял, кивнув головой. — У меня было задание — войти в доверительные отношения с супругой Перова Григория Матвеевича — ответственного работника Китайско-Восточной железной дороги, который, похитив большую сумму государственных денег, бежал, — как на духу выложила Зоя, будто Роцин этого не знал, и продолжила: — Мне надлежало выяснить, известно ли жене его местонахождение. Если да, то выведать у нее, где скрывается муж, чтобы вывести на него наших оперативных работников. Я несколько раз встречалась с Надеждой Перовой, вошла с ней в доверительный контакт и сегодня она мне сама рассказала о том, что произошло с ее мужем. Там не все так однозначно.

— Ты повторяешься, Зоя.

— Это ничего, Василий Петрович, сейчас важно, чтоб вы правильно меня поняли. Разго-

вор у нас с Надей зашел о детях, и она посетовала, как трудно одной растить ребенка. Пришлось поддержать: — «Мне это хорошо знакомо, — ответила я, — сама через год после рождения сына развелась с мужем». — «Пил»? — спросила Надя. — «Нет, был комсомольским работником. В горкоме работал». — «На идейной почве не сошлись?» — «Вообще не сошлись». — «У меня тоже муж ответственным работником был», — махнула рукой Надя. — «А почему «был»?» — «Бросил нас и уехал». — «Куда?»

Надя пожала плечами и пошла на кухню за чашками. Маруся, дочь ее, тронула меня за руку и доверительно прошептала: «Папка нас не совсем бросил. Вы не думайте. Он иногда приходит к нам ночью. Потом опять уходит. Мама говорит, что никому об этом нельзя знать. Я только вам по секрету сказала, больше никому. Потому что умею хранить тайны». — «Молодец». — «А вы видели моего папку?» — «Нет, конечно». — «Вот он у меня какой», — разжала ладонь девочка, показав снимок «три на четыре» с изображением лица мужчины средних лет, ничем особо не примечательным, разве что большими залысынами.

Когда Надя вернулась в комнату, фотоснимок отца исчез в кармашке детского платяца. Мать отправила дочку во двор поиграть, сама же села напротив и с горечью сказала: «Знаешь, Зоя, мой-

то, Григорий Матвеевич, бежал в Шанхай с большой сумкой государственных денег. Не хотела при Марусе говорить. Ох, не могу больше так. Вся душа истерзалась». — «Погоди, зачем ему надо было бежать? — спросила я. — Он же начальником был? Вам денег не хватало?» — «Хватало. Его специально подставили. Скажу — не поверишь. Ночью шел домой с дежурства. На него напали, оглушили, что-то вкололи, видимо, опиум... Он только и смог вспомнить, что утром очнулся в китайском борделе с двумя проститутками в постели. На столе фотографии — он спит в окружении голых китайянок. В комнату вошел мужчина, по манерам белый офицер, представился как куратор организации «Братство русской правды». Повертел в руках снимки, и сказал: «Этого вполне достаточно, чтоб сломать вам жизнь. Жена, увидев фотографии, подаст на развод, с работы вас не только уволят, но и посадят, как ответработника, а то и расстреляют за неблагонадежность. Вы же коммунист?» — «Чего вам надо от меня?» — спросил Перов. — «Во-первых, нам нужны деньги, во-вторых, содействие в одном не сложном для вас вопросе. Сделаете все, как скажем, вернетесь в семью. Если нет, то убьем жену и дочь. А с вами пусть большевики разбираются. Не помилуют, уж точно».

Зоя глубоко вздохнула, посмотрела в глаза Рошину.